

Ян Е никак не мог уговориться. Сидя в огромной деревянной лохани и всюду плескаясь, он ухитрялся даже в такой момент сокрушаться о судьбах государства:

— Лин Шу, послушай... Вот отвоюем мы Земли Гуаньчжуна, а как быть с тамошним людом и войском? Они ведь столько лет ходили под началом князя Цэня. Не станут ли они бунтовать да упрямиться?

Лин Шу, бережно обмывая его плечи, спокойно отозвался:

— Твой августейший брат мудр и воинственен, так к чему тебе забивать голову чужими заботами? Он всемогущ, уж как-нибудь приструнит Земли Гуаньчжуна и наведет там порядок.

Ян Е обвил его шею мокрыми руками, брызгая водой:

— Ладно, о брате я беспокоиться не буду, лучше позабочусь о нас двоих. Ты ведь тогда сглупил — забыл перебить мне третью ногу. И что теперь делать? Она ведь так и норовит пойти в бой!

Лин Шу легонько шлепнул его по мокрому плечу:

— Еще не поздно это исправить. Сам напросился. Нога едва срослась, а тебе уже не терпится шею свернуть.

Поскольку сломанная нога Ян Е еще не до конца окрепла, а торопиться после отъезда из Сянъяна больше не требовалось, Лин Шу решил сменить коней на лодку. Наняв судно, они двинулись по реке Ханьшуй на юг. Вскоре путники достигли полноводной Янцзы и повернули на запад, медленно поднимаясь против течения.

По дороге до них то и дело долетали вести с полей: Центральная императорская гвардия миновала заставу Цинь и шаг за шагом подступала к Чанъяню, где силы сторон пока удерживали шаткое равновесие. Тем временем генерал Правой гвардии Юань Оумин, действуя заодно с основными силами, вывел войска к Трем заставам, намереваясь зажать противника в тиски с двух сторон.

Узнав об этом, Ян Е сокрушенно вздохнул:

— Конец князю Цэню, на этот раз уж точно конец. Бедный мой второй племянник, которого я и в глаза-то не видел... Пропадет теперь вместе с ним ни за грош.

Лин Шу промолчал, лишь задумчиво сцепил пальцы. Он сидел, прислонившись к борту лодки, подставив лицо свежему речному ветру, который слегка трепал его виски. Ян Е подвинулся ближе и прижался щекой к его плечу.

— На душе у меня как-то беспокойно, — негромко признался он. — Будто земля из-под ног уходит, и я завис где-то между небом и землей. К чему бы это предчувствие?

— Все еще переживаешь за своего великого императорского брата, — отозвался Лин Шу.

Ян Е медленно покачал головой:

— Да не о нем я думаю. Просто сердце не на месте. Чует мое нутро, что стряслась какая-то беда, а что именно — понять не могу. Лин Шу, что бы ни случилось с Поднебесной, пообещай, что больше никогда меня не оставишь.

Лин Шу бережно сжал его ладонь и стал ласково поглаживать ее тонкими пальцами. Тихо вздохнув, он подумал про себя:

«Ты ведь великий князь по рождению. Разве под силу тебе отрешиться от мирских бурь, забыть о былой роскоши ради безвестного покоя? Твоя тревога — оттого, что ты так и не сумел до конца разорвать связывающие тебя узы. Быть может, то, что ты покорно последовал за мной в этот глухой поселок Муюй, далось тебе слишком дорогой ценой?»

Повернув к нему лицо, он мягко проговорил:

— Не оставляю. Будем плыть не спеша, как раз к твоему полному выздоровлению доберемся до Муюя. Если воротишься колченогим, матушка Се и Сяо Шаньцзы места себе от страха не найдут.

Они больше никуда не спешили. Пейзажи вокруг ласкали взор: изумрудные горы отражались в сонных водах, а затяжные войны и столичная суeta мало-помалу рассеивались в памяти, превращаясь в туманный, далекий сон.

Когда они наконец вернулись в поселок Муюй, на дворе стоял знойный июнь, а нога Ян Е зажила без следа. Прodelав путь через уезд Ушань, они поднялись в горы. Завидев вдали знакомый абрикосовый стяг таверны «Провожжающей Весны», Лин Шу впервые за долгое время улыбнулся. Ян Е и вовсе пришел в неописуемый восторг. Еще не успев переступить порог, он всю закричал:

— Сяо Шаньцзы, мы вернулись!

Вдруг на его голос наружу выскочил какой-то человек и с глухим стуком рухнул прямо перед Ян Е на колени.

Следом из дверей посыпались Сяо Шаньцзы, дядюшка Се и матушка Се. Ян Е, разглядев незваного гостя, опешил от досады и злости:

— Да чтоб тебя! Ты чего удумал? Напугал до смерти! Ма Тяньбао, я еще не помер, чтобы предомной ниц падать! Живо вставай!

Ма Тяньбао со всего маху приложился лбом о землю. Мужиком он был простым и бесхитростным, потому и поклоны бил со всей дури. Раздался гулкий удар — на лбу бедолаги тут же вздулась багровая шишка, сквозь которую просочилась кровь. Матушка Се с семейством так и ахнули от неожиданности. Меж тем Ма Тяньбао прополз на коленях еще немного, намертво вцепился в ноги Ян Е и заголосил навзрыд:

— Ваше Высочество! Поспешите к Юньци, он на ладан дышит! Каждое божье утро только вас да малыша Нинсиня зовет, а видеться ни с кем не может! Сжальтесь, пойдемте со мной, взгляните на него хоть разок!

Ян Е в миг переменялся в лице. Схватив гостя за шкурку, он оттащил его в сторонку:

— Толком говори! Что стряслось с Юньци?

Ма Тяньбао, утирая сопли вперемешку со слезами, взмолился:

— Давайте в пути все расскажу, а? Я тут и так несколько дней прождал... Вдруг Юньци уже дух испустил!

Ян Е сгреб его за ухо и безжалостно вывернул:

— Я тебе язык отрежу за такие речи! Не смей его хоронить раньше времени!

Сяо Шаньцзы тем временем прильнул к Лин Шу и зашептал ему на ухо:

— Братец, наконец-то ты вернулся! Я так скучал! А этот тип притащился к нам три дня назад и засел тут мертвой хваткой. Заладил, что будет ждать вас. Матушка ему толкует, мол, уехали они давно, а он ни в какую. Твердит: «Мой старший брат велел передать, что в столице их нет, значит, они точно вернулись в Муюй!» Кричал, что мы его за дурака держим и прячем вас на заднем дворе. Так и сидел все дни — вино глушил, мясо трескал и ревел без умолку. Одно хорошо: платил за все исправно, ни одной монеты не задолжал.

Лин Шу ласково потрепал мальчишку по голове:

— Вот и славно. Главное — заведение в убыток не вогнал.

Задумавшись на мгновение, Лин Шу перевел взгляд на Ян Е, который смотрел на него с нескрываемой надеждой. Лин Шу едва заметно кивнул. Ян Е так и просиял, тут же обернувшись к гостю:

— Поднимайся! Едем в Яньчжоу. Эх, надо же было так глупо крюк дать... Знай я заранее, мы бы напрямиком к Юньци направились, минуя эти горы.

Едва успев поздороваться с семейством Се, троица вынуждена была вновь прощаться. Ян Е бережно передал Сяо Шаньцзы свою летучую мышь и строго наказал отнести ее в ледяную пещеру на задней горе, после чего они во весь опор помчались в сторону Яньчжоу.

В пути Ян Е не давал Ма Тяньбао продыху, учинив ему настоящий допрос:

— Признавайся, с чего бы Юньци так разболеться? Наверняка вы, лоботрясы, за ним хреново приглядывали! Молись богам, чтобы он поправился. Если с его головы хоть волос упадет, я велю господину Лин Шу вздернуть всю твою троицу на дыбу!

От этих угроз Ма Тяньбао побелел как полотно. Он боязливо покосился на Лин Шу, но заметив, что тот пропускает гневные речи Ян Е мимо ушей, немного приободрился:

— Да помилуйте, Ваше Высочество! Разве ж виновны мы? Мало кто служит так преданно, как ваш покорный слуга. Раньше у меня только одно на уме было — древние курганы грабить да по склепам шастать. А теперь в Яньчжоу этих старых могил — копай не хочу, но я к ним и близко не подхожу! Все время неотлучно при Юньци нахожусь!

Он вздохнул и продолжил:

— Но сами посудите: Юньци сослал в этакую глухомань, тут у любого сердце защежит. Это бы еще ладно, да только в столице война вспыхнула. И откуда ни возьмись явились к нам лазутчики императрицы. Стали наседать на Юньци, требовать, чтобы он созвал бывших гвардейцев из Центральной императорской гвардии и ударил по Лояну с востока. Но разве мог Юньци пойти на такое предательство? Конечно, он наотрез отказался! Тогда эти ироды заявили, что младшая уездная принцесса Цэнь и малыш Нинсинь уже в Чанъане, в их руках. Сказали, мол, если Юньци будет упрямиться, они задушат кроху Нинсиня и сбросят его тело с городской стены Чанъаня прямо на камни... Сказали — и поминай как звали.

Ма Тяньбао судорожно вздохнул:

— Как они ушли, мы давай Юньци утешать. Твердили, что Нинсинь — родной внук князя Цэня, и старик ни за что не позволит причинить ребенку вред. А Юньци сидел сам не свой, словно громом пораженный, и молчал. Но не прошло и недели, как нагрянули посланники из Лояна. Принялись допрашивать его с пристрастием: о чем, дескать, говорил с прихвостнями императрицы? Да еще притащили солдат, заперли беднягу под замок. Объявили, будто это «для его же безопасности», чтобы из Чанъаня убийц не подослали. Какое там! Каждые три дня обыск, каждые два — допрос, держат как колодника в кандалах! Нас троих к нему на пушечный выстрел не подпускали.

Он шмыгнул носом:

— От таких издевательств Юньци слег. Несколько дней не мог подняться, пока эти ироды наконец не позволили нам принести ему лечебный отвар. Но и тут измывались: прежде чем чашу передать, снадобье трижды проверяли, чуть ли не на яд испытывали! Сейчас он и глотка сделать не может, только имя Нинсиня бредит. Мой старший брат, почуяв неладное, отправил второго брата в Лоян искать вас, надеясь вымолить у государя хоть каплю справедливости. Да только Вэй Линьсянь сколько ни пытался передать прошение во дворец, Его Величество был слишком занят, так никого и не принял. Пришлось брату ни с чем возвращаться. Вы уж лучше сами его расспросите.

Ян Е слушал его угрюмо, не проронив ни слова. На сердце у него кошки скребли от горькой обиды.

«Почему же венценосный брат так упорно не доверяет Юньци? Неужто боится, что тот поставит семью выше верности престолу? Но ведь любой человек, обзаведясь близкими, неизбежно обретает уязвимость. Вот и я, найдя Лин Шу, связал себя узами любви и больше не могу, как прежде, беззаботно лететь навстречу бурям. Эх...»

Путники гнали коней во весь опор. Ян Е так извелся из-за Бэйчэнь Цина, что и слышать не хотел о привалах. Миновав реку Хуайхэ, они наконец приблизились к границам Яньчжоу. Силы всадников были на исходе. Сгустились сумерки, а приличного постоянного двора поблизости так и не встретилось, так что пришлось заночевать в лесу под открытым небом. Ма Тяньбао подстрелил какую-то дичь и наскоро зажарил ее на вертеле. Кое-как утолив голод, они устроились у костра на ночлег.

Лин Шу сидел, прислонившись спиной к стволу векового дерева. Ян Е устроился рядышком, привычно положив голову ему на плечо. Почувствовав родное тепло, он наконец выдохнул и немного успокоился. Лин Шу долго хранил молчание, но затем негромко спросил:

— Раз уж Бэйчэнь Цин стерегут с такой строгостью, твое появление не останется незамеченным для императора. Ты уверен, что хочешь сам лезть в ловушку?

— Я буду осторожен, не попадусь на глаза его ищейкам, — тихо ответил Ян Е. — Сейчас мне важно лишь одно — чтобы Юньци выжил. Если с ним случится беда, я себе этого никогда не прощу.

— Что делать? — с холодной усмешкой отозвался Лин Шу. — Такова его доля. Сам выбрал себе господина, теперь платит по счетам.

В его голосе прозвучало столько едкого сарказма и затаенной горечи, что Ян Е невольно вздрогнул. Повернув голову, он заглянул любимому в лицо, но Лин Шу казался совершенно бесстрастным — лишь длинные ресницы подрагивали, скрывая взгляд. Ян Е нежно коснулся его щеки:

— Ты... не хочешь ехать к нему?

Лин Шу промолчал, что было красноречивее любых слов. Ян Е скользнул ладонью ниже, переплетая их пальцы, а затем крепко обнял его за талию и прошептал:

— Прошлое так просто не перечеркнуть. На остальных мне плевать, но Юньци... Как я могу бросить его в беде? Прошу, будь рядом.

— Завтра тяжелый день, — уклонился от ответа Лин Шу. — Тебе нужно отдохнуть. Спи.

Когда они въехали в Яньчжоу, Лин Шу еще раз напомнил, что действовать нужно скрытно и без лишнего шума. Однако стоило Ян Е увидеть убогое, полуразрушенное здание местной управы, как все предостережения мгновенно вылетели у него из головы. Обезумев от тревоги, он вихрем ворвался во двор. У дверей покоев Бэйчэнь Цина действительно несли караул вооруженные солдаты. Ян Е даже разбираться не стал, чьего они полка — первого же вставшего на пути стражника он с размаху отправил в полет точным ударом ноги. Следовавший по пятам Лин Шу мгновенно обнажил меч, преграждая путь остальным охранникам:

— Беги внутрь! Я разберусь.

Оказавшись у постели больного, Ян Е оцепенел. Прошло всего несколько месяцев с их последней встречи, но крепкий, полный сил воин превратился в ходячий скелет. В этом иссохшем теле невозможно было узнать прежнего, статного Юньци, покидавшего столицу.

У Ян Е перехватило дыхание. Он упал перед ложем на колени и крепко прижал Бэйчэнь Цина к себе, не в силах вымолвить ни слова. Братья Ма Тяньюнь и Ма Тяньхуа, неотлучно дежурившие у постели командира, испуганно переглянулись. Наконец Тяньюнь тихо произнес:

— Ваше Высочество, полегче... Вы его напугаете.

Ян Е лишь судорожно сглотнул слезы. Его пальцы заметно дрожали, когда он осторожно коснулся пылающего лба друга.

— Юньци, это я... Я приехал за тобой, — хрипло прошептал он. — Слышишь? Ты должен бороться, обязан выжить! Вспомни наше детство. Как мы вместе занимались воинскими искусствами, таскали еду с кухни, дрались с уличными забияками... Спали на одной кровати столько лет! Неужели ты вот так просто возьмешь и бросишь меня? Не молчи, умоляю тебя, открой глаза!

Лицо Бэйчэнь Цина отливало мертвенной серостью, а дыхание было настолько слабым, что едва угадывалось. Горячие слезы Ян Е падали на его впалые щеки, но больной даже не шевельнулся. Казалось, душа его давно покинула изможденную плоть и блуждает где-то в иных мирах.

В панике Ян Е припал ухом к его груди. Лишь уловив едва различимый, прерывистый стук сердца, он с облегчением выдохнул — живой.

Немного успокоившись, он повернулся к Ма Тяньюню:

— Он хоть крошку хлеба в рот брал?

Ма Тяньюнь печально покачал головой.

— А лекарства?

Снова качок головы.

— Говорил что-нибудь?

Тот лишь в третий раз безмолвно мотнул головой.

— Значит... — Ян Е зыркнул в окно. Сторожевые солдаты, которых Лин Шу отогнал на приличное расстояние, испуганно жались к забору и косились на двери. — Эти псы под дверью караулили его круглые сутки?

Ма Тяньюнь кивнул.

Гнев, доселе копившийся в груди Ян Е, вырвался наружу. Высвободив руку, он наотмашь влепил Ма Тяньюню звучную пощечину:

— Твою мать! Довели человека до полусмерти, а ты только и умеешь, что башкой мотать да помалкивать?! Велели стеречь — и вы лапки кверху?! На кой черт вы боевым искусствам учились? Почему не перерезали этих тварей?!

Тяньюнь прижал ладонь к горячей щеке и всхлипнул:

— Но это же люди императора! Его Величества!

— Да плевать мне, чьи они! — рявкнул Ян Е. — Думаешь, у меня рука не поднимется?! Лин Шу! Если эти псы сейчас же не уберутся с глаз долой, вырежи их всех подчистую!

Стоявший на галерее Лин Шу тут же положил ладонь на эфес, готовый исполнить приказ. Поняв, что дело пахнет керосином, стражники мгновенно растеряли весь свой боевой пыл и с визгом разбежались кто куда.

Ма Тяньюнь утер рукавом мокрые глаза:

— Если бы вы только приехали пораньше... Вы не представляете, какой ад у нас тут творился. Ладно бы столичные чинуши хоть каплю сочувствия проявили, тогда бы Юньци не слег. Так нет же! Каждые два-три дня заваливали толпой и устраивали настоящие допросы с пристрастием. Пытали про Чанъань, про заговорщиков... Мы уж и не знали, воля ли то государя или чьи-то чужие козни.

Ян Е мгновенно уцепился за эти слова:

— погоди. Если это делалось не по воле императора, то кто за этим стоит?

— Мой младший брат только воротился из столицы, — ответил Ма Тяньюнь. — Он пытался добиться правды для командира. Вэй Линьсянь подавал прошения одно за другим, но Его Величество так и не соизволил принять его — сослался на занятость. Пришлось Тяньхуа возвращаться ни с чем. Спросите его сами, он расскажет подробнее.

Ма Тяньхуа выступил вперед и со слезами на глазах подтвердил:

— Ваше Высочество, я обыскал всю столицу, но пробиться к императору так и не сумел. Он и впрямь занят по горло: днем решает, как реагировать на донесения из Чанъаня, а по ночам... По ночам, как шепчутся дворцовые слуги, этот канцлер Цзин остается ночевать прямо в императорской опочивальне. То ли они военные планы обсуждают, то ли еще чем развлекаются... В общем, государю явно не до нас. К тому же среди чиновников, которых прислали к нам в Яньчжоу, сплошь прихвостни да прихлебатели этого самого канцлера Цзина!

Ян Е в ярости схватил со столика глиняную чарку и с силой швырнул ее об стену. Сосуд разлетелся на мелкие осколки.

— Ну конечно! Да чтоб его черти драли! С самого начала знал, что от этого скользкого типа добра не жди. Так и есть! Этот паршивый лис... Жить ему, видать, надоело, раз он решил в такие игры играть!

От резкого звука разбитой посуды Бэйчэнь Цин слабо вздрогнул. Ян Е, державший его на руках, тут же ощутил это слабое движение и порывисто склонился над ним. Но больной так и не открыл глаз — его потрескавшиеся губы лишь беззвучно шевелились, повторяя одно и то же имя.

Припав ухом к самым его губам, Ян Е разобрал едва слышный шепот:

— Нинсинь... Нинсинь...

Одиночество на чужбине, разрушенный очаг и разлука с близкими... Как быстро, оказывается,

приходит конец даже самым славным героям.

<http://bllate.org/book/19546/1998892>